

**Фундаментальные идеи российской исторической
полонистики и их преломление в творчестве
П.Н. Жуковича**

**Podstawowe idee rosyjskiej polonistyki historycznej
i ich odzwierciedlenie w dziełach P.N. Żukowicza**

**Fundamental ideas of Russian historical polonistics
and their reflection in the works of P.N. Zhukovich**

Польша являлась для России на протяжении долгого исторического времени не только соседкой, но и выступала как важнейший политический, военный, а также и цивилизационный соперник и как центр передачи западного влияния. Весь этот комплекс российско-польских проблем и необходимость поиска взаимоприемлемой модели сосуществования этих двух крупнейших славянских народов, создавших наиболее крупные государства и принявших различные цивилизационные модели развития, стимулировали российскую и польскую историческую мысль, побуждая к поиску в прошлом причин и истоков столь сложных отношений.

Польский вопрос играл весомую роль в политической и общественной жизни России, как в контексте внутренней политики империи, так и в системе международных отношений исследуемого периода. Временами он приобретал особую остроту «рокового вопроса» российской государственности. Развитие российской полонистики на протяжении XIX – начала XX века, показывает тесную взаимосвязь восприятия польского вопроса (широко понимаемого как историсофская, культурологическая и политологическая составляющая) и истории Польши русским обществом и отражением этого процесса в полонистических трудах¹. Исходя из этого одной из основных тем в российской исторической науке XIX – начале XX в. была тематика исследований, связанная с историей Польши. Для такого интереса к польской истории существовал ряд причин.

---

¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века*, Минск 2017. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, с. 218.

Историческая роль и значение Польши в истории России определялись в российской историографии как важнейшего политического, военного, а также и цивилизационного соперника на протяжении длительного времени соседского сосуществования и одновременно как центра передачи западного влияния. В наличии два основных концептуальных подхода: либеральный, западной ориентации и консервативный, преимущественно славянофильской направленности².

Следует отметить, что не меньшее значение, чем польский вопрос имел для России комплекс устоявшихся в обществе и историографии стереотипов по поводу истории Польши и российско-польских отношений. В либеральных историософских концепциях российской историографии XIX – начала XX века (В.О. Ключевский, Н.И. Кареев) особое место поляков в истории России объяснялось преимущественно рациональными факторами: политико-геостратегическими, историческими причинами. В консервативной историософии (к этой точке зрения приближался С.М. Соловьев) – причинами провиденциально-религиозного характера. В консервативной историографии славянофильского толка оно приобрело даже мистическую окраску. И.П. Филевич утверждал, что давняя вражда между Польшей и Россией отразилась в психике русского народа: «и не было делом случая, что русские люди представляли дьявола в виде ляха»³. Это эмоциональное положение историка славянофильской ориентации близко в своем сущностном выражении рациональному тезису западника В.О. Ключевского: «Поляки занимали особое место в русской истории, и не зря они и татары оставались в сознании русских извечными врагами их государственности»⁴. Особое место Польши в истории России, а также влияние польского вопроса на общественно-политическую ситуацию России исследуемого периода неоднократно подчеркивается в современной российской, белорусской и польской общественной и исторической мысли. Комплекс российско-польских проблем, как показывают современная действительность, не утратил ни политической, ни научной актуальности в России и в Польше начала XXI века.

Осуществлявшаяся на протяжении нескольких веков последовательная политика «собирания русских земель» под скипетром Москвы была прямым противостоянием Польше-Литве-Речи Посполитой и должна была получить достаточно убедительное историческое обоснование. Существовал политический «заказ» со стороны правительства Российской империи, нуждающегося в историко-идеологическом обосновании российской политики в отношении Польши-Речи Посполитой. Эта задача не могла быть решена без

---

² Ibid, с. 9.

³ И.П. Филевич, *Польша и польский вопрос*, М. : Университетская типография, 1894, с. 2.

⁴ В.О. Ключевский, *Сочинения : в 9 т. Курс русской истории*, М. : Мысль, 1989, Т. 5, с. 36.

глубокой интеллектуальной и идеологической проработки исторического материала и создания согласованного с основополагающими принципами исторического жанра российской версии истории Польши и ее отношений с русским православным миром. Результатом этого стало создание политизированной, идеологически выверенной в своих основных проявлениях российской консервативной традиции восприятия истории Польши⁵.

Это подтверждается официальной линией царского правительства в отношении Польши, неоднократно представленной в научной литературе предмета. Также и тем обстоятельством, что в значительной своей части ряд консервативных историков (которые поддерживали и обосновывали официальную позицию) занимали высокие официальные должности. Так, генералами закончили службу А.К. Пузыревский, П.А. Гейсман, Н.Н. Сухотин и др.; высокие гражданские должности занимали, или заняли впоследствии – Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин, Д. И. Иловайский, Н.К. Шильдер, а также и либералы-западники – С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. В то время как у историков-полонофилов наблюдались проблемы с научной и служебной карьерой (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин)⁶.

Среди российских исследователей консервативно-славянофильской направленности, обративших внимание на проблематику истории Польши и ВКЛ, следует отметить Платона Николаевича Жуковича (1857–1919 гг.). Историк П. Н. Жукович – выходец из территории современной Беларуси. Он родился в г. Пружаны Гродненской губернии в семье православного священника (что во многом определило его интерес к религиозной проблематике).

П. Н. Жукович занимался историей Польши, ВКЛ, Украины в XVI–XVIII веках, и, особое внимание уделял Реформации в Польше, в ней проблеме сотрудничества православных и протестантов, а так же распространения церковной унии⁷. Его труды основывались на большом архивном материале, выделялись среди работ консервативных историков объективным подходом и желанием избежать славянофильских стереотипов в оценке Речи Посполитой. Работы П.Н. Жуковича отличаются анализом огромного круга источников, в том числе и латиноязычных и стремлением дать объективную оценку различных событий. Поэтому работы историка широко использовались польскими исследователями конца XIX – начала XX в., а также последующими поколениями польских исследователей⁸.

---

⁵ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 218.

⁶ Ibid, с. 219.

⁷ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь его времени*, СПб., 1882, с. 557; П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией*, СПб. 1901, с. 617.

⁸ Г.В. Васюк, Т.Т. Кручковский, *Брестская церковная уния в польской историографии конца XIX – начала XX вв.* [w:] *Наш радавод : матэрыялы*

Основная часть его научно-исследовательской и преподавательской деятельности связана с Санкт-Петербургской духовной академией, где П.Н. Жукович заведовал кафедрой гражданской истории. Несмотря на активное использование творческого наследия историка, его работы не достаточно изучены, недооценена масштабность его исследований. Отсутствуют комплексные исследования научных работ П. Н. Жуковича. Краткую информацию о нем содержат энциклопедии справочного характера⁹, работа А. Н. Нечухрина¹⁰. Более подробно об историке написано в статье биографического характера В. А. Тепловой¹¹. В контексте изучения жизни и деятельности М. О. Кояловича обратился к теме жизни и творчества П. Н. Жуковича (как одного из выдающихся учеников первого) В. Н. Черепица¹².

Т. Т. Кручковский рассматривал некоторые оценки П.Н. Жуковича истории Речи Посполитой, в частности Реформации и польского шляхетского общественно-государственного устройства, отмечая, что его исследования основывались на привлечении значительного архивного материала, выделял ученого среди других консервативных историков объективным подходом и желанием избежать славянофильских стереотипов в оценке Речи Посполитой¹³. Г. В. Васюк и Т. Т. Кручковский отмечают, что только П.Н. Жукович из русских историков, обратил внимание на вклад польских исследователей в изучении конфессиональных отношений в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв.¹⁴. Е.М. Ирха рассматривала проблематику борьбы православных дворян с Брестской церковной унией в оценке П.Н. Жуковича¹⁵. Российский исследователь М. В. Дмитриев положительно оценивает труды П. Н. Жуковича, отмечая, что они являются

міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторычная памяць народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII–XX ст.», 1996, кніга 7, с. 395.

⁹ В. Грыгор'ева, *Жуковіч Платон Мікалаевіч* [w:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т.*, Мн., 1996. Т. 3, с. 374; *Жуковіч Платон Мікалаевіч* [w:] *Мысліцелі і асветнікі Беларусі. X–XIX стагоддзі : Энцыклапедычны даведнік*, Мн., 1995, с. 429–430.

¹⁰ А. Н. Нечухрин, *Историки Гродненщины*, Гродно 1989, с. 26.

¹¹ В.А. Теплова, *Платон Николаевич Жукович (1857–1919 гг.): забытое имя* [w:] *Материалы 1-ой Международной ежегодной летней школы молодых ученых «Русский язык: горизонты сотрудничества»*, Фонд : Русский мир, Архангельск 2009, с. 103–132.

¹² В.Н. Черепица, *Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества*, Гродно : ГрГУ, 1998, с. 328.

¹³ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.* [w:] *Наши радавод*, Гродно 1994, кн. 6, ч. II, с. 218–417.

¹⁴ Г.В. Васюк, Т.Т. Кручковский, *Брестская церковная уния в польской...*, с. 395–398.

¹⁵ Е.М. Ирха, П.Н. Жукович о борьбе православных дворян с Брестской церковной унией [w:] *Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт.*, у 2 ч. ч. 1; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), Гродно 2019, с. 41–44.

большим шагом в изучении религиозно-политической борьбы в контексте заключения Брестской унии¹⁶.

Сложность исследования истории Польши в русской исторической полонистике была обусловлена, в том числе и проблемой взаимовосприятия русских и поляков, а также существенной разницей польских и русских общественно-политических и культурно-ментальных традиций. Это хорошо прослеживается в разнородных трудах полонистического содержания (С.М. Соловьев, А.С. Трачевский и др.)¹⁷. Патриотизм, понимаемый как имперское сознание, как показывает историографическая практика исторической полонистики, оказался живуч в среде российских либерально настроенных деятелей общественной жизни и науки¹⁸.

По своим взглядам историческую науку России имперского периода традиционно разделяют на два идеологических направления. Основным критерием для такого разделения считают оценки исследователей того периода характера цивилизационного развития России. Первое направление получило название «славянофильского», которое впоследствии вылилось в консервативное направление. Второе – «западническое», которое преобразовалось в либеральное направление. Традиционно считается, что в русской исторической науке первой половины XIX века преобладало консервативно-славянофильское течение, а во второй половине XIX – начале XX века – либерально-западническая идеология¹⁹.

Подобное разделение внешне не минуло и историческую полонистику. В процессе своего развития в рамках каждого направления сложился ряд идей характерных для всех представителей этих направлений. Впоследствии исследователи, изучавшие историческое наследие представителей каждого направления, в своих исследованиях обращали внимание на такие идеи и предпринимали попытки их систематизировать.

Исходя из этого следует отметить, что в российской исторической полонистике второй половины XIX – начала XX века, в отличие от российской историографии в общем, консервативное направление сохранило доминирующие позиции²⁰. Переломным моментом являлись 1880-е годы, когда появляется и усиливается полонистика либерально-западной

---

¹⁶ М.В. Дмитриев, *Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг.* М. : Издательство МГУ 2003, с. 16.

¹⁷ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...*, с. 299.

¹⁸ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 219.

¹⁹ В.А. Дьяков, А.С. Мыльников, Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России [w:] *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*, М. : Наука, 1979, с. 11–46; Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России в XIX веке*, М. : Индрик, 2005, 848 с; Л.П. Лаптева, *Основные этапы развития славяноведения в России (XIX – начало XX века)* [w:] *Вопросы истории*, 2007, № 8, с. 156–162 и др.

²⁰ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 219.

направленности. Но, как показывает историографический анализ, она не стала доминирующей в российской исторической полонистике²¹.

В основных концепциях российской науки независимо от ее направлений история Польши получила тождественно близкие оценочные характеристики. Славянофильская историософия и преломление консервативной теории «официальной народности» в творчестве Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, а затем «западнорусизм» М.О. Кояловича и его ученика П. Н. Жуковича (как региональный белорусский славянофильский вариант) и охранительный консерватизм Д.И. Иловайского выступают в области исторической полонистики как явления одного порядка²². Положение современной российской науки об отказе либеральной историографии с 80-х годов XIX века от своих фундаментальных основ не подтверждается историографическим материалом. Либеральная полонистика XIX – начала XX веков в основных оценочных позициях рассматривала ключевые моменты истории Польши и российско-польских отношений, следуя традициям консервативного и славянофильского направления²³.

Указанные общественно-политические условия и теоретико-методологическое состояние российской исторической науки привели к ситуации, что изучение истории польского народа, стало делом преимущественно тех, кто стоял на позициях славянофильства в широком понимании этой дефиниции. Это обусловило идеологическую окраску научных работ. История славян и, прежде всего, польская рассматривались с великодержавных позиций, принадлежность к славянству сочеталась с принадлежностью к православию²⁴.

Все это привело к формированию негативных стереотипов восприятия польской тематики, которые утвердились в культурно-историческом сознании русских, нашли отражение в деятельности не только историков, но и интеллектуалов, представляющих различные отрасли гуманитарного знания, а также творческой интеллигенции XIX–XX веков²⁵. Утверждается, что подобной была ситуация и у польской стороны. По мнению Д.В. Карнаухова, это были «полоноцентристские» подходы как к освещению русской истории в целом, так и к интерпретации ключевых событий политической и культурной истории Руси и ее отношений с соседними государствами и народами²⁶.

Авторы статьи для передачи специфики оценочных подходов российской науки рассматриваемого периода, используют названия государственной принадлежности территорий употребляемые в дореволюционной

---

²¹ Ibid, с. 220.

²² Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 9.

²³ Ibid, с.10.

²⁴ Ibid, с. 220.

²⁵ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 20.

²⁶ Д.В. Карнаухов, *Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения*, М. : НГПУ 2010, с. 3.

историографии. Польша и ВКЛ после Кревской унии, Речь Посполитая определялись в ней как польско-литовская государственность или чаще всего как «Польша». Территории современных Беларуси и Украины понимались в ней как «западнорусские земли». Для общей характеристики российско-польского противоборства используется современное понятие «цивилизации» и цивилизационной борьбы. Это делается для более точного отображения характера российско-польского противостояния.

В современной науке общие оценочные подходы российской исторической науки исследуемого периода к исторической полонистике рассматриваются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Эти общие оценочные подходы российской науки к исторической полонистике выразились в ее основополагающих идеях, консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка²⁷.

Первые исследования по изучению исторического наследия историков XIX – начала XX века были предприняты еще исследователями изучаемого периода, например, М.О. Кояловичем²⁸ и П.Н. Милюковым²⁹, а также в советское время³⁰, но в связи с существующими политико-идеологическими обстоятельствами они в основном ограничивались рассмотрением тематики исторической полонистики или ее периодизации³¹.

Кроме русскоязычной историографии данной тематикой занимались польские исследователи. Так, например, М. Серейски в рамках своего историографического исследования о причинах падения Речи Посполитой поставил вопрос об особых чертах русской исторической полонистики, выделив ряд ее основополагающих принципов³². На данный момент многие положения М. Серейского были приняты современной русскоязычной историографией.

Активное изучение русской исторической полонистики продолжилось в 1990-е годы. В современной науке общие оценочные подходы российской исторической науки исследуемого периода к исторической полонистике рассматриваются как ее фундаментальные (основополагающие) идеи. Само понятие «фундаментальных» идей в русскоязычной полонистике было

²⁷ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 219.

²⁸ М.О. Коялович, *История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям*, Минск: Лучи Софии, 1997, с. 688.

²⁹ П.Н. Милюков, *Главные течения русской исторической мысли*, СПб. 1913, с. 342.

³⁰ *Историография нового времени стран Европы и Америки* / отв. ред. И.С. Галкин, М.: Изд-во МГУ 1967, с. 669; *Очерки истории исторической науки в СССР* / под ред. М.Н. Тихомирова, М.: АН СССР, 1955, Т. 1, с. 692; *Очерки истории исторической науки в СССР* / под ред. М.Н. Тихомирова, М.: АН СССР, 1960, Т.2, с. 862; *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь* / Отв.ред. В.А. Дьяков. АН СССР, Институт славяноведения и балканистики, М.: Наука, 1979, с. 426 и др.

³¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 18.

³² M. Serejski, *Europa a rozbiory Polski*, Warszawa 1970, s. 518.

выдвинуто российским исследователем В.А. Якубским в одноименной статье в 2000 года³³. Историограф определил общие оценочные подходы российской исторической науки к исторической полонистике как ее фундаментальные идеи³⁴. «Воззрения русских ученых XIX века на польскую историю абсолютно не поддаются, – писал В.А. Якубский, – строгой раскладке по признаку прогрессивности или реакционности носителей этих воззрений. Разброс мнений по поводу польского прошлого и управляющих им закономерностей не так велик. На почве полонистики отчасти стиралась грань между славянофилом и западником»³⁵.

Кроме того, В.А. Якубский подчеркивал связь между теоретико-методологическими основами изучения истории и общественно-политическим процессом. «Российские полонисты испытали влияние гегельянства и других западных идей, многое подчеркнув у И. Лелевеля <...> тем не менее, окрасили собственные построения в сугубо национальные цвета»³⁶. Советское славяноведение только ужесточило этот подход. Впоследствии, по его мнению, позитивисты (Н.И. Кареев, Н.Н. Любичев) предпочли отмежеваться от этих фундаментальных идей³⁷.

Одной из самых главных идей в российской исторической полонистике В.А. Якубский называет принцип векового противостояния Польши и России: «На авансцену у них вышел тезис о вековом противостоянии России и Польши, причем исторический путь последней был с редким единодушием признан аморальным, несущим беды славянскому миру»³⁸. Эти идеи, – делал заключение В.А. Якубский, – являются фундаментальными»³⁹.

Однако В.А. Якубский, отмечает В.В. Кутявин, – не был первым исследователем российской полонистики, который отметил эти закономерности и особые черты в историографическом исследовании истории Польши. Так В.В. Кутявин пишет⁴⁰, что одни из первых попыток выделить «фундаментальные» идеи появляются в исследованиях Т.Т. Кручковского⁴¹.

³³ В.А. Якубский, *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.* [w:] *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*, СПб. 2000, вып. 2, с. 3–15.

³⁴ В.А. Якубский, *Фундаментальные идеи...*, с. 11–12.

³⁵ Ibid, с. 11.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid, с. 12.

³⁸ Ibid, с. 11–12.

³⁹ Ibid, с. 12.

⁴⁰ В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики* [w:] *Война и общество (к 90 летию начала Первой мировой войны)* / отв. ред. А. Б. Окунь, Самара 2004, с. 143.

⁴¹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. Автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук*, М., 1992, с. 24; Т. Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в.* [w:] *Славяноведение*, 1993, № 5, с. 76–85;

Соглашаясь с мнением В.А. Якубского, В.В. Кутявин считает, что часть этих фундаментальных идей была подмечена еще раньше. В частности он писал: «Чрезвычайно важно замечание Т.Т. Кручковского⁴² о том, что при обращении к польской проблематике размывались четкие границы между либералами и консерваторами»⁴³. К подобному выводу склоняется, отмечал далее В.В. Кутявин, и В.А. Якубский, приводя в качестве доказательства его тезис о стирании отчасти на почве полонистики грани между славянофилом и западником⁴⁴. Соглашаясь с этим мнением, Н.В. Пислегин отмечает, что существовала близость позиций консерваторов и либералов по польской тематике⁴⁵. По мнению В.В. Кутявина фундаментальные идеи российской полонистики окончательно оформились в 1860-х годах и стали концептуальной базой для последующей историографии⁴⁶.

В целом тезисы об основополагающих положениях российской полонистики Т.Т. Кручковского совпадают с «фундаментальными» идеями В.А. Якубского, но затрагивают большее количество характеристик историографического исследования истории Польши и были они сформированы еще раньше: в исследованиях 1992-1994 годов⁴⁷. Так Т.Т. Кручковский еще в работах 1990-х годов, как впоследствии и В.А. Якубский, выдвигал положение господства в полонистике идеи векового противостояния России и Польши на протяжении всего существования этих государств⁴⁸.

Т.Т. Кручковский отмечает так же наличие в российской историографии независимо от ее направлений тезиса неправильности цивилизационного выбора Польским государством еще в X веке. Для подтверждения этого тезиса

Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства* [w:] *Веснік Гродзенскага. дзяржаўнага. ун-та. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства*, 2000, № 3, с. 9–20.

⁴² Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой ...*, с. 80.

⁴³ В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики* [w:] *Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны)* / отв. ред. А. Б. Окунь, Самара 2004, с. 143.

⁴⁴ В.В. Кутявин, В. В. *Первая мировая война ...*, с. 143.

⁴⁵ Н.В. Пислегин, *Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в.* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/arhiv/st_p.php. – Дата доступа: 29.06.2019.

⁴⁶ В.В. Кутявин, *Первая мировая война ...*, с. 138.

⁴⁷ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. Автореферат...*; Т.Т. Кручковский, Т. Т. *Проблемы разделов Речи Посполитой...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы и общественно-политические и исторические обстоятельства* [w:] *Веснік Гродзенскага. дзяржаўнага. ун-та. сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства* 2000, № 3, с. 9–20.

⁴⁸ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...*

он приводит ряд примеров в творчестве российских историков. У большинства из них, отмечается автором, утверждалось, что западный выбор Польши был аморальным и несущим беды всем славянским народам, а принятие католичества сыграло исключительно отрицательную роль для последующего развития Польши⁴⁹. В итоге, по мнению ряда историков XIX – начала XX века, Польша была исключена из семьи славянства и стала изгоем среди славянских народов⁵⁰.

Так же отмечалось еще в работах 1990-х годов, что идея о Речи Посполитой как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном явлении (за исключением Ф.М. Уманца) была общепринятой в российской исторической науке⁵¹. Из этой идеи российские историки выводили мысль о неизбежной победе России в многовековой цивилизационно-идеологической борьбе с Польшей. В вопросе о западнорусских землях (современных белорусских и украинских) российская историография (здесь едины либералы и консерваторы) исходила из тезиса об исключительной прерогативе московского православного влияния⁵².

К выводам В.В. Кутявина следует добавить, что отдельные тезисы этих фундаментальных положений появились еще в советской период⁵³. Следует отметить в этом отношении оценочные положения В.А. Дьякова⁵⁴ и С.М. Стецкевича⁵⁵. Положения В.А. Дьякова и С.М. Стецкевича об особых чертах и условиях развития российской исторической полонистики рассматривались в отдельной статье⁵⁶.

Эти фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики имели антизападный и консервативно-национальный характер: о вековом противостоянии России и Польши; о западном цивилизационном пути Польши, несущим беды славянскому миру; о восприятии Польши как изгоя славянского мира; о Речи Посполитой – как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном «уродливом» (в представлении консервативно-националистической историографии, а в интерпретации либерально-западной направленности как о неправильном пути развития)

---

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid, с. 219.

⁵⁴ В.А. Дьяков, *Польская тематика в русской историографии конца XIX – нач. XX века* (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) [w:] *История и историки*. М. : Наука 1981, с. 147–161.

⁵⁵ С.М. Стецкевич, *Становление и развитие советской исторической полонистики* [w:] *Исследования по истории славяноведения и балканистики*, М., 1981, с. 22–54.

⁵⁶ Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор* [w:] ИАВБ. Минск 2016, № 2 (25), с. 29–36.

явлении⁵⁷. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась⁵⁸.

Однако в современной российской историографии предмета исследований⁵⁹ эти положения Т.Т. Кручковского не вспоминались (вероятно, по причине тогда малодоступности этих трудов гродненского историка, хотя часть их была опубликована в Москве)⁶⁰. Возможно это также, по причине не совпадения взглядов по ряду принципиальных позиций: в первую очередь резкого акцентирования Т.Т. Кручковским полофобских и антизападных позиций (в отношении истории Польши) русской исторической полонистики независимо от ее теоретико-методологических и общественно-политических направлений. Только в исследованиях В. В. Кутявина было отдано должное первенству ряду научных приоритетов в исследовании заявленной тематики Т.Т. Кручковским⁶¹.

⁵⁷ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 219.

⁵⁸ Ibid, с. 229.

⁵⁹ В.А. Якубский, *Фундаментальные идеи...*; Л.М. Аржакова, В.А. Якубский *Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в.* [w:] *Albo dies potanda lapillo*. СПб. 2005, с. 173–193; Л.М. Аржакова, *Долгая пауза после блистательных успехов: Русская историческая полонистика на исходе XIX века* [w:] *Славяноведение*. 2010, № 1, с. 44–53; Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*, СПб.: Издво С.-Петерб. ун-та, 2010, с. 343; Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века*, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014, с. 543; Л.П. Лаптева, *Основные этапы развития славяноведения в России (XIX – начало XX века)* [w:] *Вопросы истории*. 2007, № 8, с. 156–162; Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России в XIX в.* М.: Индрик 2005, с. 848; Л.П. Лаптева, *История славяноведения в России в конце XIX – начале XX в.* М.: Индрик 2012; С.М. Фалькович, *Польская проблематика в российской историографии* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jazon.hist.uj.edu.pl/zjazd/materialy/falkowicz.pdf/> – Дата доступа: 30.05.2014 и др.

⁶⁰ Т.Т. Кручковский, *Н.И. Кареев о причинах падения Речи Посполитой*, М., 1991, с. 48. Деп. в ИНИОН АН СССР 28.10.1991, № 45652; Т.Т. Кручковский, *Реформация в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX в.*, М., 1992, с. 52. Деп. в ИНИОН РАН 26.11.1992, № 48256; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. Автореферат.....*1992, с. 24.; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*: 07.00.03. Москва 1992, с. 282; Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой...*1993, № 5, с. 76–85.

⁶¹ В.В. Кутявин, *Первая мировая война ...*, с. 138–149; В.В. Кутявин, *Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка* [w:] *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne*, pod red. A. de Lazari i R. Bäckera, Łódź 2003, s. 31–37; В.В. Кутявин, *Польское восстание 1830 – 1831 гг. и проблема взаимного восприятия русских и поляков* [w:] *Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков*. М. 2003, с. 55–63.

Т.Т. Кручковский поддержал выделение этих основополагающих фундаментальных идей российской полонистики исследуемого периода (приняв терминологию их как фундаментальных или основополагающих идей) и дополнил их следующими положениями: «о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории не только западнорусских земель польско-литовской государственности, но и самой Польши; о том, что западнорусские земли (территории современных Беларуси и Украины) признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований»⁶².

В свою очередь В.В. Кутявин приводит своё видение главных идей российской полонистики XIX – начала XX века⁶³. Он отмечает, что в российском обществе полонофобия уже с XIX века становится характерной чертой русской культурной и политической традиции⁶⁴, и поэтому российская историография в своем отношении к польской тематике выражала разделяемый самыми широкими общественными кругами официальный взгляд на Польшу и ее историю⁶⁵.

В немалой степени, по мнению В.В. Кутявина, формирование полонофобии произошло под сильнейшим влиянием вооруженных восстаний польского народа⁶⁶. Н.В. Пислегин так же считает, что восстания сформировали в России явление полонофобии как реакции на польскую «измену»⁶⁷. «Не приходится недооценивать тот факт, – пишет Л.М. Аржакова, – что в русском обществе и до Январского восстания, и особенно после его начала крайне сильны были антипольские настроения»⁶⁸.

Получается, делает заключение В.В. Кутявин, что русская историография в своем отношении к польской проблематике выражала «русский», т. е. разделяемый самыми широкими общественными кругами взгляд на Польшу, ее историческую судьбу, ее будущее⁶⁹. «Долгое время многие интеллектуалы (особенно в России), – продолжает он, – уступали исследованию проблем, связанных с нацией, патриотизмом и т. п., мистификаторам консервативной

⁶² Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 220.

⁶³ В.В. Кутявин, *Первая мировая война ...* с. 138–149; W. Kutawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej* [w:] *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*, pod red. A. de Lazari, Warszawa 2006, s. 411–432; В. В. Кутявин, *Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка...*

⁶⁴ W. Kutawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej...*, s. 414.

⁶⁵ Ibid, s. 414.

⁶⁶ В.В. Кутявин, *Первая мировая война...*, с. 145.

⁶⁷ Н.В. Пислегин, *Польский вопрос в общественной мысли России ....*

⁶⁸ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление ...*, с. 252.

⁶⁹ В.В. Кутявин, *Первая мировая война...*, с. 143.

ориентации»⁷⁰. «Полонофобия уже с XIX века, – утверждает В.В. Кутявин, – становится неотъемлемым элементом русской культурной и политической традиции»⁷¹. По определению Д.В. Карнаухова, в русской, а точнее русскоязычной, научной литературе имперского (дореволюционного) периода интерес к истории Польши, польской историографии в значительной мере подогревался славянофильскими устремлениями авторов⁷².

Л.М. Аржакова отмечает так же, что российские историки придерживались мнения, что Речь Посполитая была нежизнеспособным явлением и поэтому в действиях России по ликвидации Речи Посполитой нет никакой вины⁷³. «Многие воспринимали Польшу как изгоя всего славянского мира, а Речь Посполитую – вообще как уникальное и нежизнеспособное явление, – пишет историк, – что снимало с восточного соседа Речи Посполитой всякую вину за ликвидацию польской государственности. Ликвидацию эту воспринимали как дело неизбежное, исторически предопределенное»⁷⁴.

Одновременно во многом посредством дихотомии Россия–Польша долгое время определялось отношение в России к западной цивилизации, переноса отчасти и на Польшу российский «комплекс неполноценности» перед Западом. В связи с этими обстоятельствами российская историография рассматриваемого периода (или имперского периода как она еще определяется в современной российской науке) не могла однозначно относиться к Польше и ее истории с позиций колониального превосходства, как это было свойственно для современной ей английской исторической мысли относительно, например, Ирландии или германской – в отношении неполноценности исторического пути Польши⁷⁵. Дело обычно не ограничивалось, продолжает Л.М. Аржакова, антитезой: «Польша – Россия»⁷⁶.

Сформулированные и развитые в это время идеи и стереотипы оказали влияние на дальнейшее развитие исторической полонистики, некоторые дошли до нашего времени. Это дает возможность увидеть истоки творческой лаборатории в отношении исторической полонистики современной исторической науки в России, Беларуси, Украине. Также анализ российской исторической полонистики изучаемого периода позволяет определить составляющие современной исторической политики России, а также и в некоторой степени и Польши.

Такая общая ситуация относительно российской исторической полонистики не могла способствовать объективному историческому познанию.

⁷⁰ В.В. Кутявин, *Польское восстание 1830 – 1831 гг.*..., с. 56.

⁷¹ W. Kutiawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej* ..., s. 414.

⁷² Д.В. Карнаухов, *Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения*, М. : НГПУ 2010, с. 3.

⁷³ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление* ..., с. 468.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Т.Т. Кручковский, *История Польши*..., с. 229.

⁷⁶ Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление*..., с. 468.

Это отражались и на характере подачи материала. Стиль изложения исторической полонистики часто далек от академического: допускались эмоциональные оценки, разного рода пренебрежительные пассажи и замечания, позволялось вольное цитирование и толкование источников, исходя из политической целесообразности и т. д. По этой причине оценки были часто категоричны, имели часто публицистический характер⁷⁷.

Либеральные историки второй половины XIX – начала XX веков (Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, А.Л. Погодин) с рядом оговорок отказались от ряда основополагающих положений своих предшественников: об ошибочности западного цивилизационного выбора Польши; сугубо отрицательной роли католичества; однозначно негативной оценки шляхетского общественного устройства. Однако, как показывает изучение российской исторической полонистики, положение об отказе либеральной историографии с 1880-х годов XIX века от фундаментальных основ своих предшественников не совсем точно. Она сохранила ряд славянофильских тезисов: об отдельной исторической миссии России и Польши, о неизбежности гибели Польши в противостоянии с Россией, о западнорусских землях как исключительно части единой православной России, об ущербности шляхетского устройства и т. д.⁷⁸.

Исходя из таких предпосылок, российско-польское противостояние рассматривалось в российской историографической традиции как борьба различных «миров» или цивилизаций. Это положение сохранилось и в либеральных западнических концепциях. В оценке С.М. Соловьева это было противостояние, напоминающее положения славянофильской концепции о борьбе славянства и германского мира, к которому примыкала и Польша, изменившая своей исторической миссии. В.О. Ключевский и Н.И. Кареев рассматривали это цивилизационное противостояние, исходя из конкретно-исторической оценки и общественно-политического устройства Речи Посполитой и России допетровского периода, как западной (Польши) и восточной (Московии). Они представили не типичный для современной им российской науки образ Речи Посполитой как страны передовой западноевропейской культуры, религиозной терпимости (до победы контрреформации), объединяющей к началу XVII века не только католическую Польшу, но и ряд православных земель Западной России в противовес почти варварской с азиатскими основаниями Московии. Показывая черты Московии как уклада восточной деспотии, однако, называть таковой ее не стали⁷⁹.

⁷⁷ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*, с. 230.

⁷⁸ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*; Т.Т. Кручковский, *Фундаментальные идеи русской либеральной полонистики второй половины XIX – начала XX вв.* [w:] *Беларусь у кантэксте еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава* : зб. навук. арт. ; рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.), Гродна: ГрДУ 2019, с. 45-48.

⁷⁹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях ...*; Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции В.О. Ключевского* [w:] *Веснік Гродзенскага*

В ряде современных историографических исследований показано преломление этих фундаментальных (основополагающих) идей как на общих оценочных подходах российской исторической полонистики⁸⁰, так и на примере наиболее крупных представителей российской историографии, таких как Н.М. Карамзин⁸¹, С.М. Соловьев⁸², В.О. Ключевский⁸³, Н.И. Кареев⁸⁴ и других⁸⁵.

дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы, сер. 1, 2014, № 3, с. 53–66; Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции Н.И. Кареева* [w:] *Вестник БарДУ. Серия историческая наука и археология*, 2015, вып. 2, с. 30–45 и др.

⁸⁰ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века. Диссертация...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. Автореферат...*; Т.Т. Кручковский, *Проблемы разделов Речи Посполитой...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии...*; Т.Т. Кручковский, *Польская проблема в русской исторической мысли XIX – начала XX века: основные подходы...*; Т.Т. Кручковский, *Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII – начала XX в.* [w:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*, сер. 1, № 3 (39), с. 24–31; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос*, Гродно 2011, с. 418; Т.Т. Кручковский, *История Польши в концепциях...*; В.В. Кутявин, *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики...*; Н.В. Пислегин, *Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. ...*; Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке ...*; Л.М. Аржакова, *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века...* и др.

⁸¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции Н.М. Карамзина* [w:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*, сер. 1, 2008, № 3, с. 3–11; Т.Т. Кручковский, *Польско-российского соперничество во времена Стефана Батория в оценке Н.М. Карамзина* [w:] *Шлях да узаємнаці. Матэрыялы XV Міжнароднай навуковай канферэнцыі*, Гродна: ГрДУ 2009, с. 243 – 257 и др.

⁸² Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции С.М. Соловьева* [w:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*, сер. 1, 2015, № 3, с. 67–85; Т.Т. Кручковский, *Польско-германское противостояние X–XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX – начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева)* [w:] ИАВБ, Минск 2015, № 2, с. 53–59 и др.

⁸³ Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции В.О. Ключевского...*; Т.Т. Кручковский, *Историческая полонистика В. О. Ключевского в оценке польской историографии* [w:] *KLIO POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*, Warszawa, 2017, t. 9, s. 33–55; Т. Kruczkowski, *Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyła Kluczewskiego* [w:] *Rosja – Polska – Bałkany XVIII–XX w.* Szczecin 1998, s. 101–115 и др.

⁸⁴ Т.Т. Кручковский, *История Польши в исторической концепции Н.И. Кареева ...*; Т.Т. Кручковский *Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье* [w:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*, сер. 1, 2010, № 1, с. 78–86 и др.

⁸⁵ Т.Т. Кручковский, *Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой* [w:] *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*, сер. 1, 2007, № 2, с. 47–53;

В связи с этим представляет собою интерес исследование, посвященное преломление в творчестве П.Н. Жуковича, одного из выдающихся учеников М. О. Кояловича, основного теоретика и практика западноруссизма фундаментальных идей российской исторической полонистики имперского периода. В данном контексте историографическое наследие П.Н. Жуковича еще не исследовалось.

П.Н. Жукович, изучая историю Польши, ВКЛ, Украины в XVI–XVIII веках, вполне в русле фундаментальных положений современной ему российской историографии рассматривал как вековое цивилизационное противостояние Польши и России, совершаемое на этих землях посредством католической экспансии. По его мнению, Польша стала страной латинской цивилизации посредством принятия католичества, и романо-германское влияние проявилось в ней через введение в славянской стране римских законов, международного права, католичества, латинского языка в качестве языка богослужения, образования и «если национальное сознание у поляков не умерло, – заключал историк вполне в русле идей российской консервативной историографии, – то было очень слабо, очень тускло»⁸⁶.

В таком же плане, как борьбу российского православного элемента и идеи полонизма, П.Н. Жукович представлял отношения уже в XIX веке между православным населением Западной России и сохранившимся польским дворянством. В этом отношении П.Н. Жукович следовал за идеями предшествующей ему российской историографии и, прежде всего его учителя⁸⁷. М. О. Коялович писал об ошибочности российской политики в отношении Польши и поляков в Западной России, имея в виду сохранение польского землевладения и, главное, церковной унии⁸⁸.

Определение сущности польской модели развития как полонизма нашли у Ю.Ф. Самарина, согласно нашему мнению, классическое славянофильское определение в широком смысле этого понятия, как одна из фундаментальных идей российской историографии, которыми пользовались М. О. Коялович и П.Н. Жукович. Ю.Ф. Самарин объяснял, что под полонизмом следует понимать не только поляков как народ, государство, но и рассматривать это понятие как просветительское начало, или, вернее, как вооруженную

Т.Т. Кручковский, Е.Н. Котусев, *Оценочные подходы Н.Н. Любовича к истории реформации в Речи Посполитой: историографический обзор* [w:] *Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития*, Гродно, 2020, с. 31-35 и др.

⁸⁶ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий ...*, с. 53.

⁸⁷ М.О. Коялович, *Литовская церковная уния в 2 т.*, СПб. : Тип. Н. Тихменева, 1859, 459 с.; М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России*, М. : Тип. Бахметева 1864, с. 394.

⁸⁸ М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России...*, с. 363.

пропаганду латинства⁸⁹. Конкретизируя исторически свое определение полонизма, он утверждал, что Польша – «это острый клин, вогнутый латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»⁹⁰. По его мнению, вражда России и Польши заключается в том, что обе стороны имеют совершенно различные идеалы религиозного и политического характера⁹¹.

В исследованиях об отношениях между православным населением Западной России (территории современной Беларуси и Украины) и польским дворянством уже XIX века в условиях Российской империи П.Н. Жукович основывался на фундаментальных положениях российской историографии, прежде всего славянофильской ориентации, о борьбе с полонизмом как продолжении векового цивилизационного противостояния Польши и России. П.Н. Жукович в исследовании данной проблемы следовал за М. О. Кояловичем. Положение о том, что малороссы и белорусы являются ветвью русского народа, является общим для русской историографии, начиная от консерваторов – М.О. Кояловича, П.Н. Жуковича и Д.И. Иловайского и заканчивая либералами – В.О. Ключевским и Н.И. Кареевым.

Так П.Н. Жукович, как и М. О. Коялович, подверг критике польскую политику Екатерины II времен разделов Речи Посполитой, считая ее недостаточной для искоренения полонизма в крае и его руссификации. По этому поводу он писал, что «отсутствие у нашего правительства конца прошлого века в поземельной политике западных окраин твердого руководящего принципа <...> в конечном результате, вместо ослабления и уменьшения польского земледельческого класса в западном крае, произошло его новое усиление и увеличение»⁹². Эта политика российского правительства, по его мнению, была результатом того обстоятельства, что «и правительство и общество считали западнорусские губернии польскими»⁹³. Показательно, что подобного рода положение существовало и в российской либеральной историографии⁹⁴. Более того обвинения в адрес российского правительства за усиление позиций поляков в крае сохранилось и в современной белорусской историографии⁹⁵.

⁸⁹ Ю.Ф. Самарин, *Современный объем польского вопроса. Сочинения : в 5 т.*, М. : Изд-во А. И. Мамонтова, 1877. Т. 1., с. 325.

⁹⁰ Ю.Ф. Самарин, *Современный объем польского вопроса...*, с. 333.

⁹¹ Ibid, с. 343.

⁹² П.Н. Жукович, О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России, СПб., 1895, с. 12-13.

⁹³ П.Н. Жукович, *Словный состав населения Западной России в царствование Екатерины II* [w:] *ЖМНП*, 1915, №1, с. 77.

⁹⁴ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии второй половины...*

⁹⁵ Z. Szybieka, *Historia Białorusi*, Lublin 2002; А. Смалянчук, *Беларускі нацыянальны рух: ад “культурнага назаплення” да барацьбы за дзяржаўнасць. Пачатак XIX ст.. – 1918 г.*, Гародня 2003 и др.

Как продолжение этих идей можно рассматривать так же положения современного белорусского историка В. Снопковского о том, что Сталин для укрепления ПНР передал полякам часть белорусских этнических территорий, имея ввиду Белосток и Ломжу⁹⁶. Критика этого положения в настоящее время⁹⁷ встречается с сугубо агрессивной позицией националистически настроенных белорусских историков⁹⁸.

П.Н. Жукович негативно рассматривал политику российских властей на территории западного края, считая вслед за М. О. Кояловичем ее недостаточно карательной в отношении сохранившегося польского дворянства, как оплота полонизма. П.Н. Жукович, как и М. О. Коялович, подверг критике с правой стороны российскую политику в крае не только Екатерины II, Александра I, но и Павла I. Приводя конкретные цифры дарения крестьянских душ помещикам при Екатерине II и Павле I, историк делал упрек: «что обрусение края не входило в их планы», поскольку имения жаловались согласно императорским указам, как русским, так и польским дворянам по принципу лояльности и усердия⁹⁹.

П.Н. Жукович также упрекал российское правительство за недостаточное расширение в крае российского землевладения, что привело к тому, что «не сразу и не в полной мере, оно сумело справиться тут со своей задачей». «И после целого ряда правительственных мероприятий к укреплению внутренних связей Белоруссии с остальной Россией, – продолжал историк, – фактически новоприсоединенная страна осталась во власти своих старых хозяев – польских панов»¹⁰⁰. Все это, по мнению П.Н. Жуковича, вело к господству в Северо-Западном крае польской идеи, и как следствие – росту польских антиправительственных выступлений¹⁰¹. В связи с этим историк выступил ярким поборником карательных мер в отношении польских мятежников, поддерживая конфискацию имений не только у участников польских выступлений, но и их семей¹⁰².

Однако в исследовании конфессиональной истории Польши и ВКЛ (прежде всего Реформации и Брестской церковной унии) П.Н. Жукович сумел в ряде моментов отойти от ряда фундаментальных положений современной

⁹⁶ W. Snopkowski, *Międzynarodowe aspekty wytyczania granicy polsko-radzieckiej na odcinku białoruskim w latach 1949-1945* [w:] *Polska – Białoruś*, Warszawa 1994, s. 170-179.

⁹⁷ Т. Кручковский, *Поляки на Беларуси: на фоне истории и современности*, Слоним, 2003, с. 272.

⁹⁸ А.Ф. Смаленчук, *Т. Kruczkowski “Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności, Słonim 2003*, Гістарычны Альманах, Гародня, 2004, Т. 9.

(<http://kamunikat.net.iig.pl/www/czasopisy/almanach/09/30/htm>); W. Snopkowski, *Międzynarodowe aspekty...* и др.

⁹⁹ П.Н. Жукович, *О русском землевладении в Северо-Западном крае...*, с. 11-12.

¹⁰⁰ Ibid, с. 4.

¹⁰¹ Ibid, с. 7.

¹⁰² Ibid, с. 15.

ему российской полонистики. В наиболее разработанном виде концепция характера Реформации и ее польского варианта в российской историографии имеется у Н.И. Кареева, Н.Н. Любовича и П. Н. Жуковича.

Основными исследованиями истории Польши и ВКЛ П.Н. Жуковича были: «Кардинал Гозий и польская церковь его времени»¹⁰³, вышедшая в 1882 году и «Сеймовая борьба западнорусского дворянства с церковной унией»¹⁰⁴. В первой работе П.Н. Жукович представил свою концепцию Реформации в Польше. В последней П.Н. Жукович подробно исследовал сеймовую борьбу не изолированно, а в связи с общими условиями и обстоятельствами внутренней ситуации и международного положения Речи Посполитой в изучаемый период. Эти труды основывались на большом архивном материале, выделялись среди работ консервативных историков объективным подходом и желанием избежать славянофильских стереотипов в оценке Речи Посполитой.

При исследовании истории польского реформационного движения русская историческая наука основывалась как на собственных источниковых исследованиях (в первую очередь – Н.Н. Любовича, работавшего над поиском документов в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы, Парижа, а также и Ватикана, а так же и отчасти П.Н. Жуковича), так и на уже опубликованных источниках и результатах исследований польской историографии (Н.И. Кареев, П.Н. Жукович), давая им собственную интерпретацию в соответствии со своими взглядами на данную проблему.

Большое влияние в таких условиях на достижения русской исторической науки оказала степень разработки данной проблематики в польской историографии. Она была, как отмечает В. Закшевски, один из исследователей истории реформации, в начальной стадии разработки¹⁰⁵. П.Н. Жукович, давая обзор польской историографии реформационного движения, отмечал заслуги В. Закшевского и Ю. Шуйского¹⁰⁶.

В целом характер польской Реформации П.Н. Жукович определял в духе славянофильских традиций как борьбу польской славянской души с западной католической цивилизацией. Он утверждал, что одна из главных причин польской Реформации – национальное чувство, славянская неприязнь поляков к романо-германскому миру¹⁰⁷. «Оно ожило, – считал ученый вслед за М.О. Кояловичем, – только под влиянием гусизма и гуманизма, и протестантизм сразу же акклиматизировался в условиях польской жизни, проникал вглубь ее»¹⁰⁸. Подобную точку зрения высказывал и русский либеральный историк А.С. Трчевский, работающий одно время в Варшавском российском

¹⁰³ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий ...*

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ W. Zakrzewski, *Powstanie i wzrost reformacji w Polsce (1520-1572)*, Lipsk 1870; J. Szujski, *Odrodzenie i reformacja w Polsce*, Kraków 1881.

¹⁰⁶ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...*, с. 114-115.

¹⁰⁷ Ibid., с. 53.

¹⁰⁸ Ibid., с. 56.

университете, отмечая, что характерной чертой «польской почвы» для Реформации было стремление к независимости от Рима¹⁰⁹.

В то время как в русской либеральной историографии (отошедшей в данном вопросе от фундаментальных положений российской историографии) Реформация рассматривалась, вслед за европейской и польской, как сложное религиозное и общественное движение в жизни Европы XVI века, направленное против засилья католической церкви при переходе от средневековья к новому времени.

Противоречиво в российской историографии решался вопрос о социальных слоях в Польше поддерживающих идеи Реформации. В силу ряда особенностей действительности, отмечал П.Н. Жукович, реформация в Польше получила исключительно шляхетский характер¹¹⁰. По мнению же Н.И. Кареева реформация охватила только магнатию и состоятельную шляхту. Н.Н. Любович считал, что Реформацию приняла только шляхта, но не магнатирия. Ф.М. Уманец выдвигал положение о том, что сторонниками реформации были в основном магнаты¹¹¹. Обосновывая это положение тем, что для принятия протестантизма требовался определенный уровень развития. «В умственном же плане, считал он, – аристократия далеко опередила шляхту, и именно ее большинство приняло Реформацию»¹¹². «Крестьянство, – утверждал П.Н. Жукович, – из-за своей заботности, темноты и бесправия, не могло принять участия в Реформации, и его вера определялась верой господ»¹¹³. Положение о том, что крестьянство и значительная часть горожан остались в стороне от реформации, являлось общим для русской исторической науки второй половины XIX века. Оказалось оно и в арсенале историков следующего поколения (А.Л. Погодин, М.К. Любавский, Н.В. Ястребов).

П.Н. Жукович был одним из немногих консервативных российских историков, признающих существование веротерпимости в Польше в период Реформации и в этом вопросе, он отказывался от ряда фундаментальных положений российской историографии. Он писал, что «польская католическая церковь, имея огромные богатства, была значительной социальной силой, но из-за политических и иных колебаний не могла эти возможности реализовать. Высший клир, – продолжал историк, – вел светский образ жизни, состоял на государственной службе, был охвачен полной деморализацией»¹¹⁴. П.Н. Жукович отмечал, что в стране не существовало даже условий для религиозных преследований, не говоря о существующей в обществе

¹⁰⁹ А.С. Трачевский, *Польское бескорольеве по прекращению династии Ягеллонов*, М.: Тип. Грачева и комп. 1869, с. XXI.

¹¹⁰ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...*, с. 87.

¹¹¹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол. ....*, с. 317.

¹¹² Ф.М. Уманец, *Вырождение Польши*, М. 1874, с.143.

¹¹³ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...*, с. 90.

¹¹⁴ *Ibid.*, с. 35.

обстановке веротерпимости¹¹⁵. Более того П.Н. Жукович признавал, что польская веротерпимость заставила иезуитов менять свои методы, здесь они должны были перевоспитывать новое молодое поколение шляхты¹¹⁶.

Российской историографией отмечается двойственность отношения королевской власти к реформации. П.Н. Жукович считал, что король желал реформы церкви, но реформы мирной, постепенной, а не той религиозной революции, которая бушевала все его царствование в соседней Германии¹¹⁷.

Русским историком отмечалась слабость польского протестантизма из-за отсутствия фанатизма в польском обществе, оставшихся в католичестве народных массах и слишком большой его разделенности. П.Н. Жукович писал, что «причина смерти польского протестантизма в нем самом; умер естественной смертью, произошедшей от внутренней болезни, от внутренних поражений организма, которые сумела нанести и сделать неизлечимыми, получившая и от него не мало ран, противная сторона»¹¹⁸.

На стороне католичества, продолжал историк, была привязанность массы народа к старине, к веками сложившемуся строю, вере отцов и дедов. Выдвигая такое положение, Жукович считал необходимым напомнить о противоестественном, по его мнению, характере католичества для славянского народа. Он писал: «традиции старины (католическая вера – Т.К.) хотя и поражает польскую мысль своей ненормальностью, уродливостью многих своих сторонних проявлений, но в течении веков успели уже слишком тесно срастись с польской жизнью»¹¹⁹. Отметим, что получается интересное явление, если вспомнить, что по П.Н. Жуковичу, одной из главных причин реформации было национальное сознание поляков, неприязнь к романо-германскому миру.

Одновременно П.Н. Жукович отмечал, что хотя польское общество было достаточно подготовлено, чтобы легко и быстро поддаться новым влияниям, но оно едва ли способно было самостоятельно разобраться в массе нахлынувших на него идей и понятий, суждений и притом о предметах, часто требовавших для уразумения их солидной богословской подготовки¹²⁰. «Хотя польское общество второй половины XVI века, – считал историк, – и имело условия для самостоятельной переработки этих продуктов человеческой мысли, т.к. не было помех правительства, но и не было помощи и направления, без чего не могло быстро и легко, считал Жукович, быть воспринятым новое течение»¹²¹. Исходя из этого положения, российский историк и объяснял причины неприятия нововерия широкой массой народа, т.к. «протестантизм не обладал чувственной стороной, а у народных масс преобладают чувства над

---

¹¹⁵ Ibid, с. 77.

¹¹⁶ Ibid, с. 509.

¹¹⁷ Ibid, с. 78.

¹¹⁸ Ibid с. 524.

¹¹⁹ Ibid, с. 196.

¹²⁰ Ibid, с. 195.

¹²¹ Ibid, с.196.

рассудком»¹²². Данное утверждение П.Н. Жуковича явно заимствовано у М.О. Кояловича, утверждающего, что «протестантство может держаться прочно только у тех народов, которые отличаются большим преобладанием и развитием силы ума»¹²³. Это качество, по М.О. Кояловичу, принадлежит народам германской расы. «У славян же богато чувство, очень велико требование полноты, которая бы говорила не только уму, но и сердцу. В силу этих причин, – считал историк, – протестантизм не утвердился в славянских странах, не удержался он и у литвинов, которые сохранили многие славянские древние особенности»¹²⁴.

Характерной чертой польского реформационного движения отмечается русской исторической наукой, является его многообразие и радикализм. П.Н. Жукович отмечал, что такое количество сект протестантских мешало им достичь между собой соглашения¹²⁵. Существовала, считал ученый, связь польских ариан – нового и самого опасного врага протестантизма, с ересью жидовствующих, доходящих до совершенного отрицания христианства¹²⁶. Она же сама, по мнению историка, появилась под влиянием евреев.

П.Н. Жукович, как и Н.И. Кареев, в сеймовой борьбе периода Реформации увидел не только экономический вопрос, но и политический, идеологический, а именно: вопрос ликвидации сословных привилегий, главным образом, католической иерархии. Реформация в Польше, отмечал Н.И. Кареев, вылилась в острую сословную борьбу шляхты и духовенства, она вытекала из сословного антагонизма двух правящих сословий. В этой борьбе ликвидация экономического могущества католической церкви являлась лишь средством для достижения шляхтой господствующего положения в обществе¹²⁷.

Наступление периода католической реакции в русской историографии обычно связывается с приходом в Польшу и ВКЛ иезуитов и началом их деятельности. Здесь явно сказалось влияние В. Закшевского, определившего приход иезуитов и бескорольеве в Речи Посполитой как начало контрреформации. Так, П.Н. Жукович считал началом католической реакции приход иезуитов и смерть Сигизмунда Августа¹²⁸. Вместе с тем он подчеркивал, что религиозная свобода для правящего сословия еще осталась. Победу католической реакции и ликвидацию религиозных свобод П.Н. Жукович связывал с деятельностью иезуитов и относит ко времени Сигизмунда III.

¹²² Ibid, с. 403.

¹²³ М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России...*, с. 196.

¹²⁴ Ibid., с. 197.

¹²⁵ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...*, с. 80.

¹²⁶ Ibid., с. 95.

¹²⁷ Н.И. Кареев, *Очерк истории ...* с. 61; Н.И. Кареев, *Борьба шляхты с духовенством на сеймах середины XVI века [w:] Юридический вестник*, 1881, № 10, с. 196.

¹²⁸ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...*, с. 411.

П.Н. Жукович был так же одним из немногих консервативных российских историков, признающих существование не только веротерпимости в Речи Посполитой, но и наличие шляхетской демократии. Вместе с тем П.Н. Жукович целенаправленно не изучал проблематику общественно-политического устройства Речи Посполитой. В его фундаментальном труде «Сеймовой борьбы православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)», за который ученый получил степень доктора и звание ординарного профессора, присутствуют некоторые аспекты, затрагивающие тематику шляхетского общественно-политического устройства Речи Посполитой.

Проблематика общественно-политического устройства Речи Посполитой рассматривалась так же косвенно П.Н. Жуковичем в контексте его исследования истории Брестской церковной унии 1596 года. Эту тематику межконфессиональных отношений затрагивал впервые в российской историографии в своем творчестве М. О. Коялович¹²⁹. М.О. Коялович утверждал, что церковная уния имела давние прочные исторические задатки: в борьбе двух цивилизаций¹³⁰.

Введение церковной унии 1596 года рассматривается в русской историографии либерального направления (Н.И. Кареев, А.Н. Пыпин) как результат победы в Польше католической реакции¹³¹. Более того, известный либерал и полонофил Н.И. Кареев рассматривал победу католической реакции в Польше и введение Брестской церковной унии, вслед за консервативной традицией в русской историографии, как одну из важнейших причин будущего падения Польши¹³².

Консервативная историография (Н.Н. Любович, М.О. Коялович, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский и др.) считали католическую реакцию постоянно действующим явлением, и приостановленным лишь на недолгий период реформации этим движением¹³³. Исключение здесь составлял лишь П.Н. Жукович, оценки которого близки и позициям либеральной историографии. Одной из главных причин унии, отмечал историк, был кризис в православной церкви XVI века. В этих условиях, пытаясь найти выход из этого положения, инициативу заключения унии проявила православная иерархия, требуя взамен себе равных прав с католической церковью, т.е. мест в сенате¹³⁴. Правда сразу же историк ссылаясь на ее моральное разложение, пытаясь вернуться поближе

¹²⁹ М.О. Коялович, *Литовская церковная уния в 2 т. ...*

¹³⁰ М.О. Коялович, *История Западной России ...*, с. 241.

¹³¹ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века...*

¹³² Н.И. Кареев, *Очерк истории ...*

¹³³ Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века...*

¹³⁴ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба ...*, с. 90.

к точке зрения своего учителя М.О. Кояловича, утверждающего тезис о моральном разложении инициаторов церковной унии.

П.Н. Жукович впервые в российской историографии рассматривал процесс введения Брестской церковной унии, не как это было принято в консервативном направлении, как постоянно идущую католизацию и полонизацию западнорусских земель, а как сложный процесс внутреннего развития Речи Посполитой. П.Н. Жукович в этой сеймовой борьбе увидел не только экономический вопрос, но и политический, идеологический. При этом, по утверждению П.Н. Жуковича, этот процесс введения Брестской церковной унии происходил в основном в парламентской форме в виде сеймовой борьбы¹³⁵. Главной ареной он считал борьбу на общегосударственном сейме, где православные предъявляли иски самому королю, обвиняя его в правонарушениях духовных и светских процедур. В своем исследовании П.Н. Жукович большое внимание уделил так же решениям поветовых сеймиков. Именно там, считал ученый, проявлялось волеизъявление православного дворянства, которое отразилось в выработке инструкций, составлении жалоб, предъявлении судебных исков¹³⁶.

Историк приводил в своем труде ряд таких примеров сеймовой борьбы с унией в период ее подготовки и введения. Так П.Н. Жукович отмечал, что столь важный вопрос как введение церковной унии невозможно было решить без сейма, однако, на Краковском сейме 1595 года проблема унии не поднималась¹³⁷. Впервые было объявлено открыто о предстоящей унии на Варшавском сейме 1596 года¹³⁸. Как один из примеров сеймовой борьбы по поводу унии П.Н. Жукович приводил факт внесения на Главном литовском сейме в Слониме в 1597 году при содействии Христофора Радзивилла пункта о нарушении прав православной веры церковной унией в инструкцию для общегосударственного сейма¹³⁹. П.Н. Жукович отметил, что на Варшавский сейм 1597 года православных послов прибыло в два раза больше, а К. Острожский и Х. Радзивилл приехали в сопровождении войск. Православное и протестантское дворянство действовало согласованно и решительно требовало низложения принявших унию владык, угрожая разрывом сейма¹⁴⁰. Главенствующая роль в противостоянии унии на следующем сейме в Варшаве 1598 г. принадлежала волынской шляхте, с точки зрения П.Н. Жуковича, «наиболее многочисленной и компактной массе православных»¹⁴¹. Она призвала на сеймовый суд епископов К. Терлецкого и И. Потя, вручив им позывные грамоты от волынского сеймика. Главные

---

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid, с. 169.

¹³⁸ Ibid, с. 173.

¹³⁹ Ibid, с. 261.

¹⁴⁰ Ibid, с. 264.

¹⁴¹ Ibid, с. 316.

обвинения заключались в том, что К. Терлецкий и И. Потей «самовольно от имени всей Западной Руси в Риме признали власть папы римского, хотя им на это никто не давал согласия»¹⁴². Победой православных П.Н. Жукович считал внесение в конституцию сейма 1607 года положений о назначении на должности православной иерархии лишь православных священников, свободе богослужения, подтверждении прав православных братств и прекращении в отношении их судебных процессов¹⁴³.

Исследователь в числе первых обратил внимание на союзнические отношения в сеймовой борьбе между православными и протестантами, подготовку и попытку заключения между ними унии. До него эту тематику межконфессиональных отношений затрагивал в своем творчестве М. О. Коялович¹⁴⁴. Проблему сеймового союза двух конфессий в борьбе с контрреформацией, П.Н. Жукович решал на основе архивных и уже опубликованных источниках, результатах исследований польской историографии, при этом давая им собственную интерпретацию. Исследователь использует работы польского историка И. Лукашевича¹⁴⁵, полемическое произведения «Антирриси́с», личную переписку К. Острожского, безвозвратно утраченную в результате пожара архива в Варшаве в 1944 году¹⁴⁶.

Таким образом, этот труд П. Н. Жуковича, написанный на основе подробнейшего анализа материалов деятельности литовских сеймов и сеймиков, представляет собой важнейшее историографическое значение для современной ему российской историографии не только в вопросе изучения истории становления и развития Брестской церковной унии, но и сеймового парламентаризма Речи Посполитой, как общественно-политического устройства польско-литовского государства, столь отличительного от современной ему Московии. Однако делать подобные выводы российский церковный историк не стал, явно, по причине его консервативных общественно-политических взглядов.

Историк отмечал, что со вступлением на престол в Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы, нерешенный вопрос о санкциях за нарушение религиозного мира поднимался на сеймах с периодичностью, при этом вызывал жестокое сопротивление и агрессию, либо игнорировался католическим большинством. А после того, как уния между католиками и православными стала реальна, киевский воевода князь К. Острожский (как главный поборник православия, отрицавший унию под главенством Рима)

¹⁴² Ibid, с. 317.

¹⁴³ Ibid, с. 527.

¹⁴⁴ М.О. Коялович, *Литовская церковная уния...*

¹⁴⁵ J. Łukaszewicz, *Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie*, Poznań 1842, s. 415; Łukaszewicz, J. *O kościołach Braci Czeskich w dawnej Wielkopolsce*, Poznań 1835, s. 420.

¹⁴⁶ Т. Кемпа, *Костянтин Василь Острозький (1524/1525–1608) воєвода Київський і маршалок землі Волинської*, Хмельницький: ПП Мельник А. А., 2009, с. 342.

обратился с предложением о сотрудничестве к протестантам через своего зятя протестанта Хр. Радзивилла. П.Н. Жукович обращал внимание, что протестанты были заинтересованы в православных, как союзниках против католической экспансии¹⁴⁷.

На сеймах с 1596 по 1598 г. действия православных и протестантов, отмечал П.Н. Жукович, были солидарны. Историк писал, что именно глава литовских протестантов Хр. Радзивилл энергичнее всего отстаивал интересы и требования православных послов, а смоленский воевода Я. Абрамович своей властью поддерживал деятельность виленского братства¹⁴⁸.

Как один из результатов этого союза, по мнению П.Н. Жуковича, явился акт конфедерации православных и протестантов, составленный в Вильно 18 мая 1599 году. В этом акте содержались жалобы на многочисленные нападения на церкви, монастыри и зборы, препятствия проведения богослужений, ограничений гражданских прав (запрете селиться в городах, отстранение от цехов и ремесел и т.д.). Особенно, обратил внимание П.Н. Жукович, на жалобу об отстранении «от чести и хлеба в государстве, от сенаторских мест, чинов, должностей и т.д.». Любой шляхтич, делавший карьеру, должен был иметь в виду это обстоятельство. Историк считал, что именно эта причина являлась наиболее важной в конверсии протестантов и православных в католичество¹⁴⁹.

И хотя в ходе этого союза обнаружилось, утверждал ученый, что православные и протестанты не оценили тех огромных догматических и церковно-канонических различий между ними, однако наряду с этим он показывал мирные парламентские формы борьбы. В итоге П. Н. Жукович отметил, что для православных иерархов церковная уния с протестантами была более невозможна, чем с католиками¹⁵⁰. В данном случае П. Н. Жукович отходил от фундаментальных идей российской историографии, в частности от мнения М.О. Кояловича. М.О. Коялович утверждал, что для православия протестантизм не был особенно опасным. Это связано, по его мнению, с тем, что православие, в отличие от католичества, сохранило у себя чистоту христианства, и их общим врагом было католичество¹⁵¹.

Большинство российских историков видело в польском общественном строе, его парламентаризме или полную анархию, или господство одного сословия – шляхты, но ни в коем случае парламентскую демократию, столь

---

¹⁴⁷ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства...*, с. 156.

¹⁴⁸ Ibid, с. 344.

¹⁴⁹ П.Н. Жукович, *Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства...*, с. 367.

¹⁵⁰ Ibid, с. 364.

¹⁵¹ М.О. Коялович, *Лекции по истории Западной России...*, с. 193.

отличающуюся от устройства соседних с Польшей государств¹⁵². Мнение о вполне исправно действующем польском общественно-государственном устройстве XVI века, вполне возможным быть основой устройства Речи Посполитой и в XVII - XVIII веках почти единично в русской историографии. П.Н. Жукович считал, что польский государственный организм до бескорольев действовал более менее исправно¹⁵³. П.Н. Жукович высказывал отличное от общепринятого в российской историографии мнение о том, что в Польше в период Ягеллонов польский престол был наследственным, а избрание королей было во многом фикцией¹⁵⁴. Наследственность польского престола династией Ягеллонов, а затем и их близкими родственниками Вазов отмечается большинством польских историков (Ю. Геровски, Я. Мацишевски, В. Чаплиньски, Х. Виснер, А. Новак и др.).

Перелом, по мнению П.Н. Жуковича, был связан с наступлением эпохи бескорольевья, и связан с тем, что поляки не успели выработать прочной избирательной системы и решить данный сложнейший вопрос им пришлось, как верно отмечал П.Н. Жукович, в самых неблагоприятных обстоятельствах¹⁵⁵. Историк видел эти неблагоприятные обстоятельства в прекращении династии Ягеллонов и начавшимися бескорольевьями и с ними связывал крах «нормального» государственного развития Польши¹⁵⁶. Результатом этих обстоятельств в этой ситуации для Польши, считал он, было непомерное расширение прав и полномочий шляхты и резкое сужение объема королевской власти¹⁵⁷. П.Н. Жукович отмечал эгоизм шляхты, которая боялась потерять свое значение и привилегии, возложила дело обороны страны исключительно на короля, как будто дело защиты страны касалось исключительно его¹⁵⁸. Эти положения П.Н. Жуковича близки к мнению, высказанному в либеральной историографии, в частности Н.И. Кареевым, известным в России либеральным историком и полонистом.

В итоге отметим, что если П.Н. Жукович, как и Ф.М. Уманец, М.К. Любавский считал польский строй вполне «здоровым» до наступивших перемен во второй половине XVI века, то Н.И. Кареев считал его вполне жизнеспособным, при условии проведения необходимых реформ. Однако значительное большинство российской историографии (М.О. Коялович, И.П. Филевич, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.И. Герье и др.) считали возможным выходом для Польши только ее присоединение к России. Факт коренных внутренних изменений польской

¹⁵² Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии II пол...*, с. 369.

¹⁵³ П.Н. Жукович, *Кардинал Гозий и польская церковь...*, с. 63.

¹⁵⁴ Ibid, с. 425.

¹⁵⁵ Ibid, с. 425.

¹⁵⁶ Ibid, с. 425.

¹⁵⁷ Ibid, с. 439.

¹⁵⁸ Ibid, с. 426.

шляхетской демократии, приведших к внутренним изменениям сущности строя, при сохранении его внешних атрибутов был отмечен немногими. Наступивший перелом в польском общественном устройстве в XVII - XVIII веках, приведший к падению шляхетской демократии в стране и замене ее властью магнатории отмечал только П.Н. Жукович, как и Ф.М. Уманец.

Общим для П.Н. Жуковича, как и для либералов и консерваторов, и в духе консервативных фундаментальных идей, было положение о католической реакции и экспансии на православные русские земли в составе Речи Посполитой в XVII-XVIII веках.

Таким образом, П.Н. Жукович, историк сугубо консервативной ориентации, в своей исторической полонистике, исследуя с опорой на значительную источниковую базу, ряд ключевых проблем истории Польши, ВКЛ, Беларуси, Украины в XVI-XVIII веках, сумел высказать ряд положений отличных от общепринятого в российской историографии мнения. Этим ученый смог отказаться от некоторых идей фундаментальных положений российской историографии консервативной направленности. Тем самым мы видим оригинальность исследовательских подходов П.Н. Жуковича в области исторической полонистики. В связи с этим можно констатировать, что творческое наследие ученого требует дальнейшего изучения, в том числе и историографического.

Bibliografia

Źródła

- Szujski J., Odrodzenie i reformacja w Polsce, Kraków 1881. Zakrzewski W., Powstanie i wzrost reformacji w Polsce (1520–1572), Fr. Wagner, Lipsk 1870. Жукович П.Н., Кардинал Гозий и польская церковь его времени, СПб 1882.*
- Жукович П.Н., О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России, СПб 1895. Жукович П.Н., Сеймовая борьба православного западнорусскогдворянства с церковной унией. СПб 1901.*
- Кареев Н.И., Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. Тип. А.И. Мамонтова и Ко, Москва 1886.*
- Коялович М.О., Лекции по истории Западной России, Тип. Бахметева Москва 1864.*
- Любович Н.Н., К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI веке. Тип. К. Ковалевского, Варшава 1888. Любович Н.Н., Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Тип. К. Ковалевского, Варшава 1890. Самарин Ю.Ф., Современный объем польского вопроса. Сочинения : в 5 т. Москва 1877.*

Грачевский А.С., *Польское бескоролье по прекращению династии Ягеллонов*. М.: Тип. Грачева и комп 1869. Уманец Ф.М., *Выврождение Польши*. СПб 1872.

Оpracowania

- Аржакова Л.М., *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX*, СПб 2010. Аржакова Л.М., *Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века*, СПб 2014.
- Кручковский Т.Т., *Реформация в Польше в оценке русской историографии второй половины XIX в.* Депонировано в ИНИОН АН СССР 26.11.1992, № 48256. Кручковский Т.Т., *Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века*, Гродно 1994. Кручковский Т.Т., *Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX–начала XX вв.* [w:] *История Польши в историографической традиции XIX – начала XXI вв.*, Гродно 2011.
- Кручковский Т.Т., *История Польши в основных концепциях русской историографии XIX–начала XX века*, Гродно 2016.
- Кручковский Т.Т., *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор*, Минск 2016.
- Кручковский Т.Т., *История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования*, Минск 2017. Кутявин В.В., *Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики*, Самара 2004.
- Кутявин В.В., *Польское восстание 1830–1831 гг. и проблема взаимного восприятия русских и поляков*, Москва 2003.
- Якубский В.А., *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.*, СПб 2000.

РЕЗЮМЕ

Выявлены основные фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики. Отмечено, что они имели антизападный и консервативно-национальный характер: о вековом противостоянии России и Польши; о западном цивилизационном пути Польши, несущим беды славянскому миру; о восприятии Польши как изгоя славянского мира; о Речи Посполитой – как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном «уродливом» (в представлении консервативно-националистической историографии) явлении. Мысль о возможности федеративного вхождения этих земель в состав Речи Посполитой

или их самостоятельного развития (Беларуси и Украины) решительно отвергалась.

Выделены два основные оценочные подходы российской исторической полонистики: либеральный, западнической ориентации и консервативный, преимущественно славянофильской направленности. Однако при обращении к польской проблематике размывались четкие границы между российскими либералами и консерваторами, между западниками и славянофилами.

В статье эти фундаментальные (основополагающие) идеи российской исторической полонистики представлены в творческом наследии П.Н. Жуковича, одного из теоретиков и практиков западноруссизма (регионального варианта российского консервативного славянофильства с белорусской окраской). Вместе с тем П.Н. Жуковича, как показывает историографическое изучение его исторической полонистики, представлял ряд идей не свойственных для российской консервативной историографии.

Общим для П.Н. Жуковича, как и для либералов и консерваторов, и в духе консервативных фундаментальных идей, было положение о вековом цивилизационном противостоянии Польши и России, о католической реакции и экспансии на православные русские земли в составе Речи Посполитой в XVII-XVIII веках. П.Н. Жукович в оценочных подходах к Реформации в Польше, в оценках шляхетского общественно-государственного устройства Речи Посполитой смог в значительной степени отойти от фундаментальных идей российской исторической полонистики. В связи с этим можно констатировать, что творческого наследие ученого требует дальнейшего изучения, в том числе и историографического.

STRESZCZENIE

W tekście ukazane zostały główne, fundamentalne, idee rosyjskiej polonistyki historycznej. Zauważa się, że miały one charakter antyzachodni i konserwatywno-narodowy: odwieczna konfrontacja między Rosją a Polską; zachodni szlak cywilizacyjny Polski, który przynosi kłopoty słowiańskiemu światu; postrzeganie Polski jako wyrzutka świata słowiańskiego; Rzeczypospolita jako unikalne w planie społeczno-politycznym, ale nieopłacalne, "brzydkie" (w świetle historiografii konserwatywno-nacjonalistycznej) zjawisko. Zdecydowanie odrzucono pomysł federacyjnego wejścia tych ziem do Rzeczypospolitej lub ich samodzielnego zagospodarowania (Białoruś i Ukraina).

Podkreśla się dwa główne podejścia ewaluacyjne rosyjskiej polonistyki historycznej: liberalne, zorientowane na Zachód, i konserwatywne, z przewagą słowianofilskiej orientacji. Jednak w przypadku spraw polskich zacierały się wyraźne granice między rosyjskimi liberałami a konserwatystami, między okcydentalami a słowianofilami.

W artykule te fundamentalne idee rosyjskiej polonistyki historycznej zostały przedstawione w twórczym dziedzictwie P.N. Żukowicza, jednego z teoretyków i praktyków «zapadnorusizmu» (regionalnej odmiany rosyjskiego konserwatywnego słowia-

nofilstwa o białoruskim posmaku). Jednocześnie P.N. Żukowicz, jak pokazuje historiograficzne studium jego historycznej polonistyki, reprezentował szereg idei, które nie są charakterystyczne dla rosyjskiej konserwatywnej historiografii.

Wspólne dla P.N. Żukowicza, liberałów i konserwatystów, oraz utrzymane w duchu konserwatywnych idei fundamentalnych, jest przekonanie o odwiecznej konfrontacji cywilizacyjnej między Polską a Rosją, o katolickiej reakcji i ekspansji na prawosławne ziemie ruskie Rzeczypospolitej w XVII–XVIII wieku. P.N. Żukowicz w swych wartościujących podejściach do reformacji w Polsce, w swoich ocenach szlacheckiej struktury społecznej i państwowej Rzeczypospolitej Obojga Narodów, potrafił w znacznym stopniu odejść od fundamentalnych idei rosyjskiej polonistyki historycznej. W związku z tym można stwierdzić, że dziedzictwo twórcze naukowca wymaga dalszych badań, w tym historiografii.

SUMMARY

The main fundamental ideas of Russian historical polonistics are presented. It is noted that they were anti-Western and conservative-national in nature: about the age-old confrontation between Russia and Poland; about the western civilizational path of Poland, which brings trouble to the Slavic world; the perception of Poland as an outcast of the Slavic world; Polish-Lithuanian Commonwealth - as unique in the socio-political plan, but unviable "ugly" (in the view of conservative-nationalist historiography) phenomenon. The idea of the possibility of federal entry of these lands into the Commonwealth or their independent development (Belarus and Ukraine) was resolutely rejected.

Two main evaluative approaches of Russian historical polonistics are highlighted: liberal, Western-oriented and conservative, predominantly Slavophil-oriented.. However, when addressing Polish issues, clear boundaries were blurred between Russian liberals and conservatives, between Westernizers and Slavophiles.

In the article, these fundamental ideas of Russian historical polonistics are presented in the creative heritage of P.N. Zhukovich, one of the theorists and practitioners of Western Russianism (a regional variant of Russian conservative Slavophilism with a Belarusian flavor). At the same time, P.N. Zhukovich, as the historiographic study of his historical polonistics shows, represented a number of ideas not characteristic of Russian conservative historiography.

Common to P.N. Zhukovich, as well as for liberals and conservatives, and in the spirit of conservative fundamental ideas, there was a conviction of the age-old civilizational confrontation between Poland and Russia, of Catholic reaction and expansion to the Orthodox Russian lands within the Commonwealth in the 17th-18th centuries. P.N. Zhukovich, in his evaluative approaches to the Reformation in Poland, in his assessments of the gentry social and state structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth, was able to largely deviate from the fundamental ideas of Russian historical polonistics. In this regard, it can be stated that the scientist's creative heritage requires further study, including historiography.

Ключевые слова: русская историческая полонистика, Польша, Литва, русские православные земли Литвы, фундаментальные идеи, П.Н. Жукович.

Słowa kluczowe: rosyjska polonistyka historyczna, Polska, Litwa, prawosławneziemie litewskie, podstawowe idee, P.N. Żukowicz.

Key words: Russian historical polonistics, Poland, Lithuania, the Russian Orthodoxlands of Lithuania, fundamental ideas, P.N. Zhukovich.